Ровный травянистый откос уходил к морю, упираясь в полоску золотистого песка, за ней рокотали и плескались волны, с шуршанием накатывались на берег и, отхлынув обратно, уносили с собой изломанные части колесниц, треснувшие древки копий, стрелы без наконечников, клочки ткани, обрывки кожи. Еще вчера тут бушевал бой: всадницы Меоты и колесничие Райны, прижав к воде эндаскую пехоту, мчались в атаку под протяжную песнь боевых горнов, а за ними тяжкой поступью шли имперские копьеносцы, чтобы довершить резню. Сегодня мертвые тела были уже убраны, оружие и все металлические обломки, представлявшие хоть какую-то ценность, сложены аккуратными кучками, и теперь море наводило окончательный порядок на берегу, вылизывая песок бесконечной чередой сине-зеленых валов.

В четырех фарсатах к югу вздымались циклопические стены и башни Айдин-Тара, капитулировавшего без сопротивления после разгрома последних эндаских войск. Над городскими башнями и на шпилях цитадели развевались крохотные флаги и, хотя расстояние не позволяло различить ни цвет, ни рисунок, Роман знал, что там трепещут по ветру пунцовые знамена Райны с головой разъяренной пантеры и зеленые стяги Меоты, - его Меоты! - на которых вздыбился в боевом задоре вороной жеребец.

Он стоял на высоком и обширном помосте, лицом к морю, и за его спиной толпились женщины, много женщин - пышнокудрая Гралия, темноволосая Харамма, огненно-рыжая Пэя, белокурая Бантала, Кария с золотыми волосами и еще другие и другие - водительницы тысяч и сотен его войска. Словно сговорившись, они не одели ни шлемов, ни доспехов; ветер играл их волосами и легкой тканью коротких ярких туник, и лишь свисавшие с перевязей мечи застыли в строгой и внушительной неподвижности.

Но сам Роман был облачен по полной форме. Парадный золотой шлем, с гребня которого прыгал куда-то ввысь и вперед черненый жеребец, зеленый плащ, вышитый золотой нитью; доспех из золоченой кожи с накладными пластинами чистого золота, высокие сапоги со звездочками шпор, массивная цепь на шее жемчуг, рубины и золото, опять тяжкое сверкающее золото, запасы которого в Райне и Эндасе казались неисчерпаемыми.

Словно золотой исполин, упираясь ладонью в рукоять меча, Роман стоял впереди сотни нимф, дриад и наяд; растянувшись полумесяцем за его спиной, они служили как бы фоном своему повелителю, своему вождю, который день за днем, декада за декадой вел их к победам. Да, это был прочный арьергард, надежный и многочисленный, но он казался каплей в море перед затопившим прибрежную равнину войском.

Тут было тысяч тридцать народа - его амазонки со своими приятелями и охочие до приключений молодые райниты, желавшие испытать судьбу и найти себе красавицу-подругу по другую сторону Пенного моря. Все в полним вооружении, в доспехах, в кольчугах, в броне и в зеленых плащах, радостный весенний цвет которых словно был символом возрождения древней Меоты. Армия! Его армия!

Нет, уже не его. Роман знал, что не ему вести это войско в поход, не ему штурмовать крепости, устанавливать новые законы, творить историю... Последние дни голова у него болела все чаще, а это значило, что время меотской одиссеи истекает. Потому-то, с согласия милостивого Тагора, он и назначил воинский сход на другой же день после битвы. Он не мог оставить тут незаконченных дел, не мог покинуть своих женщин, не завершив то, что следовало завершить.

Ему нечего было взять отсюда, кроме ощущения этой завершенности. Мир сей, в котором он провел около трех месяцев, оказался таким же архаичным, как Альба и Ката; он не был кладезем знаний, и высшим достижением местной технологии почти чудом! - являлась

деревянная птица Лартака. Но реальность Меоты была по-своему прекрасна. Не только простором девственных земель, по которым странствовали племена кочевников, армии завоевателей и купеческие караваны; не только городами из мрамора и гранита, возносившими к лазурным небесам башни и стены, шпили дворцов и купола храмов; не только загадочной неизведанностью морей и континентов и вольным варварским духом юной цивилизации. Было здесь и нечто другое - сладкий привкус античного мифа, сказка, превратившаяся в реальность.

Амазонки! Здесь они называли себя иначе - всадницами, сестрами по мечу, хранительницами Меоты - но для него эти женщины были и останутся амазонками. Никто на Земле не знал, где жили легендарные амазонки Гомера, пришедшие под стены гибнущей Трои, - в Тавриде ли, в предгорьях Кавказа, в приднепровских степях или на бескрайних равнинах, что пролегли за Каспием... И никто не знал, как они жили! Как продолжали род свой, как научились побеждать, где и когда закончили свой путь... Конечно, и Роман не ведал этого, но теперь он мог сказать наверняка, что у земных воительниц жизнь была непростой.

Возможно, они тоже бы не отказались от помощи мужчин - не насильников, не жестоких повелителей, но героев и полубогов, подобных древним аргонавтам? Этого Роман не знал. Даже с помощью машины Максимова он не мог проникнуть в те времена, когда берега Триады оглашались звоном мечей, когда Язон впервые поднял парус на своем "Арго"; но он достиг гор Меоты и степей Райны, что являлось почти тем же самым. Он был здесь, и он сделал все, чтобы на месте заполоненной пустоцветами земли возрос плодоносящий сад. Да, он сделал все, что в его силах; остался последний штрих.

Говор и шум постепенно затихали; они смолкли совсем, когда Роман шагнул к самому краю помоста и поднял руку. Тысячи глаз смотрели на него; тысячи губ неслышно шевельнулись, шепча его имя.

- Сестры и братья! Закончен наш поход, и в гавани АйдинТара качаются корабли, готовые выйти в мире. Все ли женщины хотят вернуться? И все ли мужчины хотят последовать за своими подругами?

- Да! - мощно, на единим выдохе, раскатилось над полем. - Да!

- Знайте же, там - он протянул руку на северо-запад, где сине-зеленое море сливалось с лазурным небосводом, - для вас найдется много работы. Тяжелой и, быть может, кровавой... Кто поведет вас? Кто будет вождем и властелином, с которым вы начнете строить новую Меоту?

- Ты! - зарокотало поле. - Ты, Роман!

Он покачал головой.

- Нет. У каждого свои дороги в этом мире, и мой путь заканчивается здесь. Не спрашивайте, почему я должен вас покинуть, есть вещи и обстоятельства, которые не в силах изменить ни люди, ни боги. Я ухожу... и, скорее всего, это случится на ваших глазах, ибо я уже слышу зов своей далекой родины.

Это было правдой, он ощущал, как нарастает тяжесть в голове, и знал, что должен торопиться.

- Но я дам вам вождя - сестру из ваших сестер, молодую и сильную, которая делила со мной ложе и носит в чреве мое дитя. Я учил ее тому, что знаю сам, и она станет для вас справедливым и мудрым правителем, бесстрашным в битвах и милостивым и дни мира. И она

подарит вам нового властелина, ребенка моей и вашей крови. Будьте же ему опорой и защитой!

Роман повернулся, и Гралия выступила ему навстречу из многоцветной радуги полоскавшихся на ветру туник, Платье зеленого шелка струилось с ее плеч, лицо было бледным, карие глаза смотрели печально. Он сбросил плащ на помост и взял ее за руку

- Вот моя избранница! Готовы ли вы повиноваться ей?

Секунду-другую над обширным полем царила тишина; потом раздался чей-то одинокий вскрик:

- Гралия!

И сразу покатилось, загремело:

- Гралия! Гралия! Гралия!

Кивнув, Роман склонился к ней, обнял за плечи. Выбор сделан; он мог венчать ее на царство. Верность женщин не вызывала сомнений, мужчины же подчинятся желанию своих подруг и повелениям Тагора.

Выпрямившись, он прикоснулся к шлему.

- Если такова ваша воля, я...

Внезапная молния прострелила виски, словно к ним приложили контакты динамо-машины. На мгновение мир дрогнул и расплылся; море вздыбилось гигантской стеной, поглотив небо и берег. Потом все приняло обычный вид.

Первый звонок, отметил Роман, еще минута - и занавес будет поднят. Сняв золотой шлем, он водрузил его на пышные кудри Гралии.

- Не забудь поднять зеленый вымпел на своем корабле, когда флот достигнет Меота, - вполголоса произнес он. Помнишь? Сигнал для Лартака...

Девушка, молча, кивнула; в ее глазах стояли слезы. Толпа перед помостом ревела: "Роман! Роман! Гралия! Роман!" Боль снова молотом ударила в виски.

Он снял тяжелую цепь, повесил ей на шею, потом протянул перевязь с мечом. Мир снова начал дрожать и подергиваться туманом.

- Все, милая... ухожу... Прощай!

"Гралия, Гралия, Гралия, Роман!" - скандировала толпа, и эти ритмичные выкрики вдруг начали сливаться с отдаленным рокотом прибоя. "Гра-лия Гра-лия! Гра-лия!" Непослушные пальцы Романа скользили по застежкам панциря. Нет, не успеть, понял он.

- Роман... - губы девушки шевельнулись, - я буду помнить... наш сын... - она прижала рукоять меча с золотой пантерой к животу, будто ладошки еще не родившегося младенца могли дотянуться до нее. - Я... буду... помнить...

Это он еще успел расслышать. Он даже смог пробормотать что-то в ответ не то "прощай", не то "будь счастлива", но эти звуки заглушил громоподобный рокот. "Гра-лия! Гра-лия! Гра-лия!"

Внезапно помост с десятками женщин в ярких облачениях словно выскользнул из-под его ног и

воспарил к небесам; сине-зеленая гладь моря смешалась с изумрудной зеленью лугов и зелеными плащами воинов, заполонивших берег. Эта зеленая стена вдруг выросла перед Гилевым, нависла над ним и начала бледнеть, становясь белесым облачным экраном с едва заметными прожилками цвета молодой травы. Помост, застывший на этом переменчивом и зыбком фоне, казался сейчас мраморно-белым пьедесталом, а застывшие на нем фигурки внезапно лишились своих разноцветных одежд, истончившихся и растаявших в туманном мареве. Теперь они были нагими, превратившимися в резной оживший барельеф, белокаменный фриз, что протянулся налево и направо насколько видел глаз. Сильные гибкие руки девушек простирались к Роману, губы раскрылись в улыбке, на мраморных лицах - удивление и восторг.

Затем под фризом начали неясно вырисовываться гигантские колонны, стены с зияющими пропастями окон, циклопическая лестница, цоколь, сложенный из чудовищных каменных блоков... Меота вставала перед ним величественным храмом, увенчанным гирляндой прекрасных женских тел, таких недостижимых и желанных, что Роман застонал в смертной тоске, не в силах смириться с потерей. Потом белесая мгла закрыла храм, и странник навеки канул в нее, словно в воды Стикса, увлекаемый на дно тяжким золотым доспехом.

Путешествие в Меоту завершилось.

В Меоте первым его ощущением был звук, здесь запах. Его память еще хранила ароматы соленого морского ветра и слабое благоухание тела Гралии, которая стояла рядом с ним секунду - или вечность назад. Теперь их сменили запахи резиновой изоляции, металла и пластмассы, чуть затхлый сухой воздух подземелья наполнил легкие Романа, словно мерно гудевшие вентиляторы силой прокачали его сквозь рот и гортань.

Он напряг мышцы и с изумлением убедился, что вполне владеет и чувствами, и телом. Обратный переход совершился на удивление легко; миг полета в туманной зеленоватой мгле, краткая потеря сознания и он дома. Может быть, те муки, что он претерпел, добираясь в Меоту, были связаны с вредоносным влиянием мексиканского снадобья, которым пичкал его Максимов? За два с лишним месяца организм должен был полностью очиститься от этой дряни. Перед глазами его болталось несколько проводов. Скользнув взглядом по разноцветным жгутам, он понял, что часть из них висит свободно, не касаясь его груди; остальные, как обычно, обвивали его обнаженные руки и шею. Роман чуть склонил голову, поймав зрачками золотистый отблеск. Панцирь! Его царский доспех! Теперь чуткий слух разведчика уловил слабое позвякивание: грудь его вздымалась, и металлические кругляши контактов бились о пластины доспеха.

Значит, хотя бы часть боевого снаряжения последовала за хозяином... и сыну его в том, ином мире не носить золотой панцирь, драгоценный дар императора Райны. - Конечно, только сын, возмужав, мог бы надеть его - для Гралии он великоват... Ну, ничего! Ей остались шлем, меч и цепь с самоцветами - вполне солидные атрибуты царской власти. Шлем, меч и цепь... А еще воспоминания и дитя, плод любви, зреющей в ее чреве...

Сам он помнил все, помнил отлично - с первой минуты, когда очнулся на скале близ Меота, и до последней, до своего отбытия с воинского схода под стенами Айдин-Тара. Эти воспоминания нельзя было назвать неприятными, но в этот миг, в секунду пробуждения в своем родном мире Роман с пугающей ясностью осознал, что Меот пребудет с ним до конца дней. Он станет тосковать по ее равнинам и прибрежным утесам, у которых ласково шелестят волны, по лесам с горьковатым привкусом лавра, по мраморному Меоту, ступень за ступенью врезавшемуся в горный склон, даже по Голубому Дворцу...

О, Меота, великолепная, утраченная навсегда! Блеск булатной стали, грохот копыт, бешеный скок мчащейся в атаку конницы, развевающиеся плащи, грозные и прекрасные женские лица... Гралия с каштановыми кудрями, черноволосая Харамма, огненно-рыжая Пэя, белокурая Бантала, златовласая Кария... И сотни, тысячи других!.. Боже, Боже, что он потерял!..

- Роман! Роман, очнитесь!

Внезапно Роман понял, что его окликают. Подняв руки, он резким движением содрал провода, толкнул вверх колпак коммуникатора и поднялся. Его доспехи лучились и сверкали в свете люминесцентных ламп, кольчужная юбка из вороненой стали охватывала бедра, на высоких сапогах позвякивали шпоры, широкий защитный пояс с чеканными серебряными бляхами подпирал ребра.

- О!

Максимов отступил на пару шагов, потрясенный этим великолепием, этой королевской пышностью. Глаза под седыми кустиками бровей расширились, и сейчас выражение его лица было точь в точь как у старого Лартака, познающего великие тайны паровой машины, закрылок и гальванических батарей.

- О, Роман! Это... это золото?

Он кивнул. Доброе райнитское золото, дар Тагора... Внезапно он будто в первый раз почувствовал тяжесть доспеха на своих плечах, его массивные пластины мягко, но ощутимо давили на грудь и лопатки. Двадцать пять или тридцать килограмм золота... сколько же это будет в твердой валюте?

Взглянув на Максимова, он понял, что тот занят такими же подсчетами. Его губы шевелились, янтарные зрачки уставились в потолок, затем он вытащил из кармана потрепанного халата блокнот с карандашом, подвел итог и довольно хмыкнул. Царский панцирь, символ могущества и власти, был измерен, взвешен, оценен и принят на баланс проекта "Измерение Икс". Печально вздохнув, Роман начал расстегивать свои роскошные доспехи.

- С прибытием, Рома, - доктор протянул Роману обе руки. Поздравляю вас, и простите, что я не сделал этого сразу. Ваш вид ошеломил меня... даже не столько вид, сколько то, что вы появились... гмм... не совсем...

.. Пожалуй, так оно и есть, решил Роман и поднял веки.

- Не абсолютно голым, как прежде. - Роман усмехнулся замешательству старика. - Я не могу этого объяснить. Давать объяснения - ваше дело.

- Удивительно... - лоб Максимова пошел морщинами. - Если взять два первых случая... что там было? Крохотная жемчужина... потом - небольшая статуэтка... А тут-тут десятки килограммов! - он придирчиво осмотрел Романа. Десятки, Рома! Если расположить вашу добычу в порядке возрастания массы, мы явно получим экспоненциальную зависимость... Хмм... - старик начал что-то лихорадочно чиркать в блокноте, бормоча вполголоса: - Резкое падение градиента... резистивность перехода... в точках сингулярности мы получим... сходимость... да, сходимость результата здесь обеспечена... однако потребление энергии было примерно одинаковым... Хмм - м-да... странно!

Прислушиваясь к этой знакомой воркотне, Роман продолжал разоблачаться. Он расстегнул пояс, снял панцирь и положил его прямо на пол, затем стащил сапоги.

- Пойду в душ. Обратная дорога была не слишком утомительной, однако...

- Да-да, Рома, конечно! Обычная процедура: помойтесь, перекусите, и отправимся в госпитальный отсек. - Максимов, похоже, вышел из своего ступора. Я приготовил для вас сюрприз, мой дорогой. Пока вы странствовали в тех пределах, где золото растет прямо на деревьях, - он бросил взгляд на сверкающие доспехи, - мне удалось кое-чего добиться. Что вы скажете о приборе - о маленьком приборчике, с рисовое зернышко, - который можно взять с собой, чтобы передать сигнал аварийного возврата?

- Если это связано с какой-нибудь гадостью вроде того мексиканского кактуса... - осторожно начал Роман, но Максимов прервал его

- Нет, нет, никаких сомнительных снадобий! Вам просто вошьют его под кожу. Крохотная штучка, величиной с зернышко, уверяю вас... ну, может быть, со спичечную головку или самую маленькую монетку

"Или с чайное блюдце, или с автомобильное колесо," - продолжил про себя Роман. Колесо! Под кожу! Эта мысль не вызывала у него энтузиазма. Он вдруг почувствовал, что очень хочет увидеть, Елену пока ему не вшили под кожу Эйфелеву башню.

* * *

- Что ты знаешь про амазонок, дорогая? - спросил Роман у Елены. Его возлюбленная, в воздушном домашнем халатике, устроилась с ногами на диване, чиркая что-то мягким карандашом в большом альбоме, какие обычно используют художники. Правда, Елена была архитектором и, как утверждали, неплохим, но рисовала она превосходно.

- Ну... - задумчиво протянула девушка, переворачивая лист плотной бумаги, - то были женщины, всадницы... Они великолепно стреляли из лука и не желали знать мужчин.

- Опрометчивое утверждение, - заметил Роман. - В таком случае они вымерли бы в первом же поколении, моя милая.

- Ах, Рома, не надо все сводить к грубой физиологии, - Елена поморщилась, усиленно работая карандашом. - Это же легенда! Мечта! Женщины, независимые, гордые и свободные, которые не нуждались ни в мужчинах, ни в их покровительстве. Это прекрасно! Кажется, - деловито добавила она, амазонки убивали всех рождавшихся у них мальчиков, не так ли?

- Вот видишь? Рождавшихся! Интересно, от кого?

- Не от обычных мужчин, будь уверен! - На темы женской эмансипации Елена могла спорить до бесконечности. - От богов, титанов, кентавров, героев... - она мечтательно улыбнулась.

- Хотел бы я взглянуть на бога, который позволит прикончить своего сына - с сомнением произнес Роман.

- Богов интересовали амазонки, а не их дети! - возразила Елена.

Такая точка зрения показалась Роману отчасти не лишенной жестокости, но он только махнул рукой.

- Ладно, оставим в покое несчастных детишек, и поговорим об амазонках. Их племя исчислялось тысячами, моя радость. Неужели ты думаешь, что богов и героев хватило бы на

всех?

- Были еще и титаны и кентавры... А потом, - Елена лукаво улыбнулась, - что мы знаем о возможностях богов?

- Что они не беспредельны, - уверенно заявил Роман - А титаны... хмм... по имеющимся сведениям, эти парни были слишком крупными для смертных женщин. Боюсь, подобный мезальянс кончился бы трагедией! Кентавры тоже не выдерживают критики. Если б речь шла не о всадницах, а об их кобылах...

Елена расхохоталась и швырнула в него карандашом. Роман ловко поймал его и, поглаживая висок, продолжал:

- Что касается героев, то они-то иногда и доставались амазонкам... только очень редко. Нет, - он покачал головой, - я думаю, у этих женщин существовали проблемы... серьезные проблемы, детка.

- Проблемы? Какие проблемы могли быть вот у такой женщины? - Елена продемонстрировала ему альбомный лист, на котором смелыми штрихами был набросан контур нагой девицы на коне. В руках она держала лук и, чуть склонившись набок, готовилась спустить стрелу с тетивы.

Роман невольно вздрогнул. По странному совпадению, этот рисунок напоминал золотую статую, преподнесенную райнитским послом Дасмону, царю Меоты. Поза, едва намеченное выражение лица, волосы девушки и конская грива, вьющиеся по ветру... Казалось, невидимая стрела должна прянуть прямо в лицо зрителю. Склонив голову к плечу, он с минуту рассматривал творение Елены, а она глядела на него.

- Ну, - наконец повторила она, - какие у нее проблемы, кроме лошади, скачки и колчана, полного стрел?

- Например, с кем обняться ночью... - пробормотал Роман.

- Бог или герой...

- Бог высоко, герой - далеко. Так что, если не снизойти до раба или соседа-варвара, остается одно... сама понимаешь...

Елена скорчила забавную гримаску.

- Для тех, кем пренебрегли боги, не самый плохой выход из положения!

- Самый плохой, - Роман нахмурился, - ибо превращает людей, и женщин, и мужчин, в пустоцветы!

Некоторое время Елена обдумывала эту мысль, потом грустно вздохнула:

- Возможно, ты прав, милый... Но что делать бедным одиноким девушкам, если им не хватило героев?

- Поискать по соседству, не предъявляя слишком жестких требований к чистоте крови избранника.

Они помолчали, затем Роман протянул руку к изображению юной всадницы.

- Ты говорила про колчан, полный стрел... Вот еще одна проблема! Кто их делает? Кто, к примеру, кует мечи?

- Рабы, - уверенно заявила Елена, - рабы амазонок!

- Рабы? Не думаю, - Роман покачал головой. - Видишь ли, меч у всадника должен быть длинным, иначе с седла не дотянуться до противника. А длинный меч тяжел, не для женской руки. Значит, должно быть что-то легкое, но смертоносное, из отличной стали... - Он шагнул к камину и снял висевшую над ним дамасскую саблю, жемчужину своей коллекции. - Что-то вот такое, детка... Погляди! Разве раб или подневольный мастер может выковать такой клинок?

Ни формой лезвия, ни заточкой, ни рукоятью сабля не походила на прямые, длинные и обоюдоострые мечи воительниц Меоты, но клинок ее серебрился тем же морозным узором булата. Тонкие пальцы Елены осторожно коснулись витой гарды, пробежали по стальной изогнутой полосе, словно лаская оружие. Да, то было великое искусство! Чудо, что рождалось в руках мужчин - подобно младенцам, что приносили чрева женщин.

- Гляди!

Роман снял с халатика тонкий волос своей возлюбленной и подбросил вверх. Свистнул клинок, едва заметно колыхнув воздух, и к полу поплыли, извиваясь и трепеща, два темных волоска.

Елена невольно вскрикнула; она не была амазонкой, и холодный безжалостный блеск стали напугал девушку. Но ее мужчина был рядом, и он знал, как ее успокоить.

Всего путешествие в Меоту заняло 79 дней; на Земле прошло 77 дней.

http://tl.rulate.ru/book/22670/480742